

ТРЕХДНЕВНАЯ БИТВА ПОД ВАРШАВОЙ 1656 Г. В РУССКИХ ИСТОЧНИКАХ

Пётр Игоревич Прудовский

Кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: hypolimnion@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9158-7809

Аннотация

В общем виде механизмы получения новостей из-за границы в России в XVII в. уже исследованы, однако конкретные эпизоды получения актуальной информации становились предметом изучения в недостаточной степени. Между тем именно они позволяют понять, в каком информационном контексте принимались те или иные внешнеполитические решения. Если полная реконструкция подобного информационного фона — дело будущего, уже сейчас можно рассмотреть его отдельные фасетки. Ярким казусом подобного рода является получение Москвой новостей о таком масштабном событии, как Варшавская битва 1656 г., в которой с одной стороны участвовали польские и литовские войска Речи Посполитой вместе со вспомогательным крымским контингентом, а с другой — союзные армии Швеции и Бранденбургско-Прусского государства. В статье рассмотрены все известные сообщения об этом сражении, поступавшие правительству Русского государства: известия польско-литовских, бранденбургских и курляндских дипломатов, представителей присяжной и неприсяжной литовской шляхты, литовских евреев, а также Богдана Хмельницкого, — и выстроена их хронология. Характеризуются как происхождение и фактологическая точность сообщаемых сведений, так и намеренные умолчания информаторов, выявляется политическая направленность известий. Непротиворечивая информация, подтверждаемая независимыми друг от друга источниками, сводилась для царя Алексея Михайловича и его окружения к трем пунктам, из которых первые два соответствовали действительности: 1) сам факт сражения и его участники, 2) результат битвы и 3) конфликт польской и литовской частей войска Речи Посполитой. Отдельно рассмотрены свидетельства об антагонизме между польскими и литовскими участниками битвы. Этот мотив интерпретируется как проявление настроений значительной части литовской шляхты, отражающих существовавшие противоречия между Литвой и Короной, и представляет собой доселе неизвестный «литовский» взгляд на Варшавскую битву.

Ключевые слова

Россия XVII в., Речь Посполитая, Великое княжество Литовское, Швеция, Бранденбургско-Прусское государство, Северные войны, распространение новостей, история коммуникации

Статья поступила в редакцию 24 октября 2024 г.

Статья доработана автором 5 ноября 2024 г.

Статья принята в печать 10 декабря 2024 г.

Цитирование: *Прудовский П. И.* Трехдневная битва под Варшавой 1656 г. в русских источниках // *Славянский мир в третьем тысячелетии.* 2024. Т. 19. № 3–4. С. 9–27. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.01>

THE THREE-DAYS BATTLE OF WARSAW 1656 IN RUSSIAN SOURCES

Petr I. Prudovsky

Ph. D., Senior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334 Russia
E-mail: hypolimnion@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9158-7809

Abstract

The mechanisms of acquiring foreign news in the 17th-century Russia have been studied in general, but there is still lack of local studies on how specific news reached the Moscow government. However, it is the set of specific news that determined the information background of foreign policy decisions. While we are still far away from fully reconstructing this background, it is still possible to study its individual facets. The Battle of Warsaw of 1656, fought between Polish-Lithuanian and Crimean forces on the one side and Swedish and Brandenburg-Prussian armies on the other, being the largest field battle of the Second Northern War, offers a valuable opportunity for a case study on how the Tsar Alexei Mikhailovich and his counselors got news about a major European event. This paper discusses all known reports of the battle that reached the Russian government. Those are reports by diplomats from Poland-Lithuania, Brandenburg and Courland as well as by Lithuanian nobles both sworn to the Tsar and loyal to the Commonwealth, Lithuanian Jews and, of all people, by the Hetman Bogdan Khmelnytsky. We establish the chronology of these reports and trace the origin of their data and their political agenda. Only part of the information available to the Tsar could be cross-checked. Eventually it came down to the following three points (of which the first two were accurate). Firstly, the battle and its participants. Secondly, the outcome. Thirdly, that the main reason for the Polish defeat was the lack of cooperation between the Poles and the Lithuanians. This construct that appears in the reports by several Lithuanian nobles might well be a manifestation of anti-Polish sentiments in the public opinion of a part of Lithuanian nobility. It also represents a “Lithuanian” version of the Battle of Warsaw, as opposed to “Swedish”, “Polish” and “Prussian” versions hitherto studied by historians.

Keywords

Seventeenth-Century Russia, Polish-Lithuanian Commonwealth, Grand Duchy of Lithuania, Sweden, Brandenburg-Prussia, Northern Wars, news circulation, history of communication

Received 24 October 2024

Revised 05 November 2024

Accepted 10 December 2024

For citation: Prudovsky, P. I., 2024. The Three-days Battle of Warsaw 1656 in Russian Sources. *Slavic World in the Third Millennium*, 19 (3–4), pp. 9–27. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.01>

Следили ли руководители внешней политики допетровской России за происходящим за ее рубежами, и если да, то насколько внимательно? Насколько при тогдашнем состоянии коммуникаций им удавалось удовлетворять свою потребность в информации? Ученые, занимавшиеся этими вопросами, рассмотрели различные пути поступления сведений о внешнем мире и обрисовали общую картину того, какие механизмы получения новостей из-за границы развивались в России в XVII в.¹ Между тем конкретные эпизоды получения актуальной информации, которые могли бы показать, в каких условиях и насколько эффективно работали эти механизмы, для 1650-х гг. практически не исследованы.

В 2003 г., изучая поворот российской внешней политики от войны с Речью Посполитой к конфронтации со Швецией в 1656 г., Б. Н. Флоря подчеркивал: «Автор считает методически правильным при установлении причин тех или иных шагов, предпринятых в это время русскими политиками, исходить из анализа того круга сведений, которые были известны этим политикам во время принятия того или иного решения»². При кажущейся очевидности подобной установки в действительности ее реализация в изучении истории XVII в. сталкивается с большими трудностями. Один путь для ее воплощения испробован в цитированной статье и продолжившей ее монографии Б. Н. Флоры 2010 г.³ Он состоит в том, чтобы, последовательно анализируя документы внешнеполитических акций, выявлять в предшествующих информацию, послужившую основой для планирования последующих. Учитывая непрерывный характер внешнеполитической деятельности и преемственность в круге лиц, ответственных за формирование государственного курса, такой подход позволяет с достаточной степенью полноты объяснить генезис большинства внешнеполитических решений. При этом, однако, из поля внимания исследователя выпадает целый пласт сведений, которыми располагали те, кто осуществлял руководство внешней политикой, но которые по тем или иным причинам не выступили очевидной основой для принятия ими решений. Между тем именно эти сведения образовывали информационный контекст, в рамках которого политики продумывали варианты решений.

Однако полная реконструкция этого информационного фона, едва ли в принципе возможная, оказывается особенно трудно достижимой применительно к истории России первой половины — середины XVII в. Лишь

¹ Шамин С. М. Куранты XVII столетия: Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011; Waugh D. C., Maier I. Cross-Cultural Communication in Early Modern Russia: Foreign News in Context. Seattle; Uppsala: Research Works at the University of Washington Libraries, 2023. <https://doi.org/10.6069/XCSQ-BF71>.

² Флоря Б. Н. От Потопа до Вильна. Русская политика по отношению к Речи Посполитой в 1655–1656 гг. // Kwartalnik Historyczny. 2003. Rocznik 110. № 2. S. 25.

³ Флоря Б. Н. Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). М.: Индрик, 2010.

с 1670-х гг. устанавливается более или менее регулярное поступление в Москву европейской прессы, обзоры которой (так называемые «куранты») зачитывались перед царем и Боярской думой⁴. С. М. Шамин отмечает, что получение прессы через купцов и дипломатов не было систематическим и давало лишь отрывочные сведения⁵. То же самое можно сказать и о других традиционных путях получения зарубежных новостей: от «выходцев» из плена, добровольных осведомителей, иностранцев, выезжающих на царскую службу и др.

На примере трехдневной битвы под Варшавой 18/28–20/30 июля 1656 г. (здесь и далее через дробь даются даты старого/нового стиля, одиночные даты по новому стилю оговариваются, по старому стилю — не оговариваются), крупнейшего полевого сражения польско-шведской войны 1655–1656 гг.⁶, мы рассмотрим, какими путями и в каком виде масштабное событие европейской истории появлялось в доходивших до Москвы новостных сообщениях. Это сражение происходило на фоне дипломатического вмешательства великих держав в польско-шведскую войну и формирования военно-политических коалиций вокруг противоборствующих сторон, а потому имело не только военное, но и политическое значение⁷.

С весны 1656 г. продолжалось польское контрнаступление против оккупировавших значительную часть страны шведов. 1 июля (нового стиля) капитуляцией шведского гарнизона во главе с фельдмаршалом Арвидом Виттенбергом завершилась осада Варшавы королем Яном-Казимиром. С освобождением столицы польско-литовское руководство начало планировать решающий удар по шведам, для чего под Варшавой было собрано около 40 000 человек, включая польскую компутовую армию, литовскую дивизию великого гетмана Павла Сапеги (дивизия польного гетмана Вин-

⁴ Шамин С. М. Куранты XVII столетия... С. 84.

⁵ Там же. С. 78.

⁶ Изучением Варшавской битвы занимались историографии всех основных государств-участников, причем изначально наибольшее внимание ей уделяла историография прусская, видевшая в битве первый шаг к будущей славе Прусского королевства: *Droysen J. G. Die Schlacht von Warschau 1656 // Abhandlungen der philologisch-historischen Classe der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. 1863. Bd. 4. S. 347–496; Riese A. Die dreitägige Schlacht bei Warschau 28., 29. und 30. Juli 1656. Breslau: Verlag von Max Mälzer, 1870. Шведские работы: Carlson F. F. Sveriges historia under konungarne af Pfalziska huset. Stockholm: P. A. Norstedt & söner, kongl. boktryckare, 1855. D. 1. S. 169–177; Englund P. Den öövertvinnerlige: Om den svenska stormaktstiden och en man i dess mitt. Stockholm: Atlantis, 2000. S. 425–428. Большой вклад в военно-историческое изучение сражения внесла польская историография: *Kubala L. Wojna brandenburska i najazd Rakoczego w roku 1656 i 1657. Lwów: H. Altenberg, G. Seyfarth, E. Wende i sp.; Warszawa: Gebethner i Wolf, s. a. [1917] S. 1–27; Herbst S. Trzydniowa bitwa pod Warszawą 28–30 VII 1656 r. // Wojna polsko-szwedzka 1655–1660 / red. J. Wimmer. Warszawa: Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1973. S. 296–330; Nagielski M. Warszawa 1656. Warszawa: Bellona, 1990.**

⁷ См.: *Frost R. After the Deluge: Poland-Lithuania and the Second Northern War. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 71–72.*

цента Гонсевского не участвовала в описываемых событиях, так как оперировала севернее по Нареву), а также посполитое рушение ряда воеводств и союзный отряд крымских татар во главе с Субханом Гази-агой (около 2 000 человек). Seriously ослабленные шведы противопоставили этому союз с Бранденбургско-Прусским государством. Карл-Густав Шведский и курфюрст Фридрих-Вильгельм Бранденбургский договорились соединить свои войска и совместно атаковать Варшаву. Силы союзников составляли около 18 000 человек, примерно поровну между шведами и пруссаками. 17/27 июля армии короля и курфюрста соединились в лагере под Новым Двором (у слияния Вислы и Буга, совр. Новы-Двур) и на следующее утро двинулись правым берегом Вислы к Варшаве. Вечером 18/28 июля шведы были остановлены польскими фортификационными сооружениями, преграждавшими проход между рекой и лесом. 19/29 шведско-бранденбургская армия совершила фланговый маневр, обошла польские редуты и, выстроившись параллельно реке, начала теснить польско-литовские части к Висле, подвергаясь постоянным контратакам их конницы с фронта, а татарских сил — с тыла. В этот день произошла легендарная атака собранных в один кулак польских и литовских гусар под командованием князя Александра Полубенского, которую, как и прочие, союзникам удалось отразить благодаря дисциплине и огневому превосходству. На третий день шведы и бранденбуржцы взяли ключевые позиции на подступах к Праге, после чего польско-литовские силы начали отступление по трем направлениям: литовцы и татары — на север (литовские части отошли к Бресту-Литовскому, а татары присоединились к дивизии Гонсевского), ряд польских подразделений — вдоль правого берега Вислы на юг, а основные силы во главе с гетманами и королем — через наплавной мост к Варшаве, а затем, признав оборону города невозможной, на юг и, после переправы через Вислу, к Люблину. Потери сторон в точности не известны, но ясно, что шведско-прусская армия потеряла убитыми несколько сотен человек (скорее всего, около 400), а польско-литовско-татарские — около 2 000. В ночь на 21/31 июля Варшава сдалась и в нее был введен гарнизон. Добыча победителей оказалась невелика — большую часть обоза полякам удалось переправить и увезти, однако артиллерия почти вся досталась шведам⁸: точно известно о потере 39 пушек и мортир. Армия союзников оказалась слишком малочисленной и испытывала слишком серьезные трудности со снабжением, чтобы провести успешное преследование отступающих. Кроме того, курфюрст, не желавший полного торжества шведов, воспротивился дальнейшему походу. В итоге, столкнувшись с распространяющейся эпидемией, союзники уже в середине августа (нового стиля) вынуждены были отступить в Пруссию. Таким образом, несмотря на победу в сражении, шведы не сумели достигнуть перелома в войне; более того, неудача Речи Посполитой возбудила

⁸ *Nagielski M. Warszawa 1656... S. 211.*

в Европе опасения по поводу роста могущества Швеции, вследствие чего Голландия послала военную эскадру на Балтику, а в Вене стали всё больше склоняться к поддержке Польши.

Для российской внешней политики описанные события могли иметь большое значение. Вступив в войну со Швецией, направленную на завоевание Риги и остальной Ливонии, и согласившись на мирные переговоры с Речью Посполитой, на которых правительство Алексея Михайловича рассчитывало закрепить за собой завоевания 1654–1655 гг., Русское государство было заинтересовано в том, чтобы Ян-Казимир продолжал войну со Швецией и не заключил с ней сепаратного мира. Такая возможность беспокоила русских дипломатов, что видно по материалам мирных переговоров между русскими великими и полномочными послами и польско-литовскими комиссарами под Вильной, проходивших с августа по ноябрь 1656 г.⁹ Неудивительно поэтому, что большое внимание уделялось «проведыванию вестей», о чем агенты власти получали соответствующие распоряжения¹⁰. При этом великое посольство в Вильне, наряду с царским станом, двигавшимся вдоль Двины к Риге, играло роль своеобразного информационного центра, куда стекались многочисленные сведения о ситуации в Речи Посполитой. Наиболее важная информация пересылалась послами царю, причем гонец преодолевал расстояние между Вильной и Ригой чуть менее чем за две недели. Не всегда, однако, послы были пунктуальны: однажды известия, полученные 10 августа, они отправили лишь 20-го, а чтобы скрыть задержку, число «10» в документе переписали на «20»¹¹.

Представление сражения под Варшавой в информационном пространстве Западной Европы начало подробно исследоваться еще в середине XIX в. классиком прусской историографии И.-Г. Дройзеном¹². Распространение известий о Варшавской битве по Европе происходило быстро. Уже 1/11 августа о происшедшем, очевидно о первом дне сражения, стало известно в Митаве, надо думать, через Кёнигсберг¹³. Это дает основание предположить, что в Кёнигсберг доставлялись ежедневные депеши о битве. В Париж донесение о битве было отправлено по дипломатическим каналам 9 августа (нового стиля), но не приводится сведений, когда известие было

⁹ Об этих переговорах в контексте русской внешней политики лета — осени 1656 г. см.: *Флоря Б. Н.* Русское государство и его западные соседи... С. 95–155.

¹⁰ См., напр.: Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 79 «Сношения России с Польшей». Оп. 1. 1656 г. № 27. Л. 45. Отписка гродненского воеводы Б. Д. Апрелева великим послам: «Писали вы, государи, ко мне в Гродню, чтобы мне послать за Немонт реку и проведать про вести, что деетца промеж польским и свейским короли».

¹¹ Там же. № 25. Л. 121.

¹² *Droysen J. G.* Die Schlacht von Warschau... S. 350–373.

¹³ *Urkunden und Actenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilhelm von Brandenburg.* Berlin: Georg Reimer, 1884. Bd. 8. S. 18.

получено¹⁴. В Гаагу письма из Варшавы с известием о шведской победе, отправленные 1 августа, пришли 20 числа того же месяца (всё — новый стиль)¹⁵. По горячим следам распространился целый ряд печатных сообщений о битве, исходивших от шведской и бранденбургской сторон, в том числе в составе газет того времени. Эти повествования подчеркивают успешные действия союзных армий и их конечную победу¹⁶. Еще Дройзен предположил, что, по обыкновению того времени, проигравшая сторона в своих сообщениях о битве должна была по возможности затушевывать свою неудачу; действительно, известия, исходившие от польской стороны, преуменьшали масштаб события и были направлены на опровержение преувеличенных слухов о потерях¹⁷.

Вопрос о том, как Варшавская битва отразилась в новостях, распространявшихся по Восточной Европе, то есть в Русском государстве, Великом княжестве Литовском и на Украине, еще не изучался. Ниже будут рассмотрены сообщения о Варшавской битве в порядке их получения представителями российской власти. Следует помнить, что, как уже указывалось, сохранность вестовых материалов заведомо не может быть стопроцентной, а значит, реальная осведомленность Москвы, скорее всего, была выше.

Для понимания контекста начать следует с известия 26 июля (нового стиля), переданного польско-литовскими комиссарами великим послам в Вильне 30 июля, которое уже указывало на вероятность близкого сражения. В нем сообщается, что шведская армия стоит недалеко от Варшавы, под Новым Двором, у шведского короля и бранденбургского курфюрста заключен договор о военном сотрудничестве, а к польскому королю на помощь пришли татары¹⁸. Это сообщение должно было задать рамки для восприятия великими послами последующих событий.

Первым, кто получил сведения собственно о происшедшей битве, был, что неудивительно, Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин¹⁹, находившийся в тот момент в Митаве с дипломатической миссией при дворе курляндского герцога Якоба Кеттлера. Посол бранденбургского курфюрста барон Йонас-Казимир цу Эйленбург, направлявшийся к царю, сообщил

¹⁴ *Urkunden und Actenstücke zur Geschichte...* Berlin: Georg Reimer, 1865. Bd. 2. S. 106.

¹⁵ *Ibid.* Berlin: Georg Reimer, 1877. Bd. 7. S. 64.

¹⁶ *Droysen J. G. Die Schlacht von Warschau...* S. 351, 354–355, 365–366. Тексты различных реляций см.: *Ibid.* S. 456–496, а также в: *Riese A. Die dreitägige Schlacht bei Warschau...* S. 198–201, 207–211.

¹⁷ *Nagielski M. Warszawa 1656...* S. 6–7; см. также: *Kubala L. Wojna brandenburska...* S. 25, 270.

¹⁸ *Русская и украинская дипломатия в международных отношениях в Европе середины XVII в.* / отв. ред. Б. Н. Флоря. М.: Гуманитарий, 2007. С. 148; РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 88. Л. 17–21. Возможно, в действительности это сообщение основывалось на письме короля комиссарам от 22 августа (нов. ст.), с которым оно совпадает по содержанию, см.: *Kubala L. Wojna brandenburska...* S. 274, рг. 39.

¹⁹ Впоследствии боярин и руководитель Посольского приказа.

Ордину-Нащокину 4 августа очень кратко: «...писано-де к нему сего числа из Прус: швейской король побил польских людей, чают, что и Варшаву взял»²⁰. Если, как предположено выше, известие о событиях 18/28 июля пришло в Митаву 1/11 августа, то вполне соответствует тем же логистическим возможностям, что 4/14 августа ее достигла новость о событии 21/31 июля, когда шведско-бранденбургские войска вошли в Варшаву. Знаменательно, что «посол прусский» ни слова не сказал об участии своего курфюрста в сражении, что отражало стремление отмежеваться от шведов в глазах царя: целью посольства было договориться о нейтралитете Бранденбургско-Прусского государства в русско-шведском конфликте²¹. Сообщение Нащокина достигло царского лагеря 7 августа. Таким образом, между битвой и получением известия о ней царем прошло менее трех недель.

Следующее известие о сражении было получено также в Митаве, где находился по дороге в Пруссию дьяк Григорий Карпович Богданов²². 6 августа в беседе с ним курляндский канцлер Мельхиор фон Фелькерзам рассказал: «...у швейского короля и у курфюрста бранденбургского с польским королем бой был большой, а бились два дни да две ночи. А тот бой был от Воршавы в пяти милях меж реками Вислою и Бугом. И на том бою на обе стороны побито добре много. И поляки на третей день поля не здержали, от швейского короля и от курфюрста уступили»²³. Если результат битвы и ее длительность указаны верно (она началась вечером 28, а закончилась вечером 30 июля), то в определении расстояния от Варшавы ошибка едва ли не на порядок (если имеется в виду немецкая миля — около 7 км), наиболее жаркие схватки отстояли от города на 4–6 км. Еще более фантастично продолжение рассказа, согласно которому польские войска вновь собрались и осадили шведов и бранденбуржцев в их лагере. Это, несомненно, выдача желаемого за действительное, возможно, направленная на то, чтобы дистанцировать курфюрста в глазах царя от шведов²⁴. Интересно, что в эти же дни в Митаве был еще один русский дипломат, князь Даниил Ефимович Мышецкий, он, как и остальные, встречался с прусским послом, но в его статейном списке известий о Варшавской битве нет.

²⁰ РГАДА. Ф. 63 «Сношения России с Курляндией». Оп. 1. 1656 г. № 4. Л. 21. В немецком протоколе беседы зафиксированы лишь слова о взятии шведами Варшавы и оговорка, что точных сведений о деле еще нет: Geheimes Staatsarchiv Preussischer Kulturbesitz (далее — GStA PK). I NA GR Rep. 11 Akten Nr 6541. Fol. 46v.

²¹ Прудовский П. И. Развитие русско-бранденбургских дипломатических отношений в середине XVII века // Россия и Пруссия в середине XVII века / сост. П. И. Прудовский. М.: Древлехранилище, 2013. Т. 1: Посольская книга по связям России с Бранденбургско-Прусским государством 1649–1671 гг. С. 477–479. Аналогичную линию см. ниже в сообщении о битве от 27 августа.

²² Впоследствии один из судей Посольского и Разрядного приказов. О его посольстве см. там же. С. 473–476.

²³ Россия и Пруссия в середине XVII века. Т. 1. С. 362.

²⁴ Прудовский П. И. Развитие русско-бранденбургских дипломатических отношений... С. 479–480.

В тот же день 6 августа новости достигли гродненского воеводы Богдана Демьяновича Апрелева, которому их рассказал присяжный еврей Марко Самойлов, живший в Крынках (к востоку от Белостока и чуть западнее современной польско-белорусской границы). По его словам, «был бой под Варшавой у польского короля с шведами июля в 31 день и августа в 1 день. И на том-де бою шведы польского короля ратных людей многих побили и королевского двора многих думных людей побили. Убит пан Хрептович, ротмистр гусарской и надворной хорунки; убит пан Обухович²⁵ и иныи-де многие побиты думные люди. И с тово-де бою польское и литовское войско розбежались, а король-де польской утек до Замосья. А как-де был бой у польского короля с шведским королем, и в те поры корунное войско с литовским промеж себя посварились и на бою корунное войско великополяна литовскому войску нисколь не послышались. И шведы-де их побили, литовское войско и крымских татар побили много, которые были при польском короле, и Варшеви-де шведы взяли июля в 31, а которые сидели польские люди в Варшеве, и тех-де швед всех посек наголову. А которые крымские люди, что от бою остались, и те-де крымцы побежали назат до Крыму. А шведское войско и князь пруской пошли тотчас за польским королем к Замосью». Воевода прокомментировал известие еврея следующим образом: «И я того не ведаю, впрям ли тот жид сказывал или солгал»²⁶. Если не считать мелких искажений, характерных для устной передачи (ошибка в датах, отправление татар в Крым), наиболее существенным мотивом, не соответствующим нашим знаниям о битве, является конфликт между литовским и коронным войском, который мы найдем и в ряде нижеследующих сообщений. 10 августа отписка была получена в Вильне великими послами, которые признали полученные сведения достойными всякого внимания и пересказали их в отписке царю, полученной им 2 сентября²⁷. Среди вестей, переданных Марком Самойловым, был шведский мирный ультиматум. Если бы потерпевший поражение Ян-Казимир склонился к урегулированию конфликта со Швецией, это поставило бы под угрозу мирные переговоры России и Речи Посполитой. Послы потребовали у комиссаров объяснений, и те заверили, что король выбирает мир с Россией, а не со Швецией²⁸. При этом в материалах виленских переговоров польско-литовские представители ничего не сообщают о сражении, но всегда, когда об этом заходит речь, стараются представить ход военных действий в выгодном для

²⁵ В битве участвовал воевода смоленский Филипп Обухович, замещавший больного гетмана Павла Сапегу. Он вывел отступающие литовские части к Бресту, где и умер 6 сентября (нов. ст.): *Pamiętniki historyczne do wyjaśnienia spraw publicznych w Polsce XVII wieku posługujące, w dziennikach domowych Obuchowiczów i Cedrowskiego pozostałe* / Wyd. M. Baliński. Wilno: A. Ass, 1859. S. 53.

²⁶ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1656 г. № 27. Л. 45-46.

²⁷ Там же. № 25. Л. 121-122.

²⁸ Русская и украинская дипломатия... С. 152.

польской стороны свете, хотя известно несколько писем, которыми король и сенаторы оперативно известили их о своем поражении²⁹.

7 августа в Вильну было доставлено письмо из Кёнигсберга от некоего Александра Леста, очевидно офицера-шотландца, адресованное полковнику на русской службе Юрию Энглису (Инглису) и датированное 3 августа н. ст. Судя по сообщаемым Лестом новостям, о Варшавской битве в Королевце еще не стало известно, но было ясно, что дело полным ходом идет к сражению: «Король свейской с войском стоит блиско Аршавы, да тут же стоит поблиску польского короля абоз в большом опасенье и беспрестани ждут поля. А брандбургской курфистр страдает о миру, чтоб учинити меж свейским и польским короли мир»³⁰. Хотя позиция курфюрста на тот момент описана неточно (при том что его принципиальная нацеленность на прекращение войны уловлена верно), в другом месте письма правильно оценивается сила шведской армии: «только у свейского войска своего опричь бранденбургского 8 тысяч». Общий итог письма — армия курфюрста соединена со шведской, но при этом он преследует отличные от шведов политические цели — соответствует действительности и показывает, что жители Кёнигсберга в целом адекватно представляли себе политику своего правителя.

В тот же день 7 августа в Вильне было получено еще одно известие о трехдневной битве. «На государево имя» из литовского войска выехал шляхтич Федор Моляцкий, рассказавший следующее: «Был-де у поляков с шведами бой под Варшавою, а на том-де бою был король польский Ян-Казимер, а с ним были полковники литовские Полубенской да Лукаш Халецкий и иные полковники. А с свейские стороны был король свейской, а с ним был курфистр брандбургской с князем Богуславом Радиевским и генералом Дуклесом и с ыными. А учинился-де бой по сю сторону Вислы недалеко от Праги <...> А как тот бой учинился в поле под Прагою и сошлись с обеих сторон войско польское и свейское, и сперва-де было счастье литовскому войску против шведов, и татары напали <...> и многих шведов побили. А после того в несколько дней по многих боях, на которых с обеих сторон немалые люди легли, учали шведы польского короля с войском побивать и назад их почали отгонять через Вислу, и там многих польских людей и татаров побито. А корунное войско, стоячи за Вислою под Варшавою, никакими мерами литовскому войску помочи не дали». Король и сорок рот коронного войска, которые шли на помощь литовскому войску, побежали за Вислу. Шведы взяли окопы, поставили 120 пушек (явное преувеличение), отбили польских людей от моста и от реки и взяли Варшаву без приступа³¹. Это сообщение несет на себе явные черты устной пере-

²⁹ Kubala L. *Wojna brandenburska...* S. 270; *Nagielski M. Warszawa 1656.* S. 214–215.

³⁰ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1656 г. № 27. Л. 1–3; Ф. 210 «Разрядный приказ». Оп. 9. № 270. Л. 946–947.

³¹ Там же. Ф. 79. Оп. 1. 1656 г. № 27. Л. 4–6.

дачи с присущими ей искажениями; в частности, смешаны два главных изменника того времени — перешедшие на шведскую сторону подканцлер коронный Иероним Радзеёвский и князь Богуслав Радзивилл. Обращает на себя внимание вновь появляющийся в этом рассказе мотив розни между поляками и литовцами.

Следующим по хронологии было сообщение комиссаров великим послам 12 августа, находившееся в полном согласии с их линией подчеркивать свои военные успехи: «...королевское-де величество ныне пошел за свейским королем, а свейской-де король от государя их, от королевского величества уходит»³². Учитывая, что только 8 августа (нов. ст.) союзники выступили из Варшавы, притом продолжая наступление на юг³³, рассказ комиссаров не мог основываться ни на каких реальных сообщениях.

В тот же день (12 августа) в Ковне воевода Сила Константинович Степанов узнал у еврея Абрама Моисеева, «слышачи от шляхты»: «...был-де у польского короля с свейским королем бой тому недели с две, и на том-де бою свейские люди польских побили многих людей, а билися-де с свейским королем одне польские люди, а литовские люди польскому королю не помогали, а помогли-де польскому королю и выручили крымские татаровя и побили у свейского короля крымские татаровя свейских людей больше того, что они, шведы, у польского короля». 13 августа ковенские евреи добавили к этому, что «польский король после боя из Варшавы пошел к Люблину с обозом, а гетман Сопега — под Бресть, а Гансевской — за Гродню в Новой Двор, а крымские-де татаровя пошли назад в Крым и польской полон поимали с собою многой. А свейской-де король ныне в Варшаве». 15 августа эти известия были получены великими послами, а 17-го — пересланы царю, который, очевидно, получил их в последних числах месяца³⁴. В этих сообщениях вновь возникает мотив польско-литовской розни, однако здесь отказываются сражаться уже не поляки, а литовцы. Впрочем, возможно, здесь нашел отражение лишь тот факт, что дивизия Гонсевского, действовавшая ближе всего к Ковне, не участвовала в битве. Обращает на себя внимание противоречие между декларируемым ходом битвы (более высокие потери шведов) и ее результатом (Варшава осталась за шведами, войска Речи Посполитой отступают в разные стороны). Очевидно, в Ковенский повет к этому моменту дошли лишь самые общие слухи о сражении, дополнявшиеся подробностями уже в пути.

27 августа бранденбургский посол, встречавшийся в Митаве с русскими дипломатами (см. выше), прибыл в осадный лагерь царя под Ригой и в беседе с думным дьяком Ларионом Дмитриевичем Лопухиным изложил события вокруг сражения следующим образом: «...то он ведает, что Варша-

³² Русская и украинская дипломатия... С. 152.

³³ *Herbst S. Trzydniowa bitwa pod Warszawą...* S. 328.

³⁴ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 88. Л. 531об.-532; Ф. 79. Оп. 1. 1656 г. № 27. Л. 52, 54об.

ва и Краков были во взятые за швейским королем, а после того слухом он слышал, что у польского короля с швейским королем был бой под Варшавою июля в 18 де(нь), и сперва-де было овладел Варшавою польской король, а после того вскоре у польского короля швейской король Варшаву взял и польских многих людей побил, и польской-де король с того бою з достальными людьми уступил в Люблин, и за польским королем швейской король хотел итти к Люблину ж. И курфистр-де их полскому и швейскому королем своими людьми не помогал, а оберегал своими ратными людьми рубеж свой и вперед никому помогать не хочет»³⁵. Немецкий протокол тех же переговоров звучит близко к этому: точно так же сражающимися сторонами названы только польский и шведский короли, упомянуто взятие Варшавы после боя и отступление Яна-Казимира к Люблину; но даты битвы даны по Григорианскому календарю, указано на ее продолжение в течение трех дней и не отмечено желание Карла-Густава преследовать поляков до Люблина. Особенно любопытно, что зафиксирован наводящий вопрос русского «канцлера»: «Стоял ли во время битвы курфюрст вместе со шведским королем?»³⁶ Это означает, что, хотя в большинстве приведенных выше сообщений не упоминалось об участии в сражении бранденбургского войска на стороне шведов, русское правительство приняло во внимание те из них, где это участие констатировалось или подразумевалось.

2 сентября, как уже говорилось, царь получил отписку великих послов, содержащую несколько сокращенный и отредактированный пересказ сообщения Богдана Апрелева от 6 августа, однако без какой-либо принципиальной правки³⁷.

Вышеприведенные известия, полученные (по меркам того времени) по горячим следам событий, можно назвать первым эшелон новостей. Следующий фрагмент, отстоявший от самого сражения примерно на два месяца, следует отнести ко второму эшелону, не формировавшему осведомленность правительства о текущих событиях, но лишь корректировавшему сложившиеся на первом этапе представления о внешнем мире.

28 сентября уже упоминавшийся дьяк Г. К. Богданов вернулся к царскому лагерю под Ригой, в который не был допущен из-за опасений, что может занести туда «морозное поветрие». Его расспросили о ходе его посольства и о раздобытых им вестях «через огонь» и он сообщил следующее: «...тому-де ныне з 10 недель швейской король, а с ним было ратных людей конных и пеших 6 000, да с ним же был курфистр, а с ним ратных людей было з 9 000, всего с 15 000 человек, были в Варшаве, и под Варшавою у них с польским королем был бой. А с польским-де королем было ратных людей с 30 000 или с 40 000 человек. И меж собою из обозов стрелялись ис пушек

³⁵ Россия и Пруссия в середине XVII века... С. 77–78.

³⁶ GStA PK. I HA GR Rep. 11 Akten Nr 6541. Fol. 75v.

³⁷ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1656 г. № 25. Л. 121–122.

три дни, а в четвертой день польской король уступил, потому что у него пехоты и пушек было мало и меж шляхтою совету не было и друг другу не помогали. А как-де польской король уступил, и свейской король и курфистр с ратными людьми хотели за ним итти в погоню, и в те-де поры свейскому королю и курфистру ведомо учинилось — польские языки говорили, что-де польской король с ратными людьми свейскому королю и курфистру уступили нарочно, чтоб свейской король и курфистр за польским королем зашел подале, для того что царского величества ратные люди с сорок тысяч из Вильни идут к польскому королю на помощь и хотят засесть дороги, куды свейскому королю и курфистру назад итти, и чтоб их обступя, с польским королем побить вместе. И свейской-де король и курфистр в погоню за польским королем не пошол»³⁸. По всей видимости, ко времени проезда Богданова через Пруссию, Жмудь и Курляндию уже достаточно широко распространились относительно точные фактические сведения о битве, которые он и воспроизвел; вместе с ними его информаторы передали ему слухи, отражавшие надежды на помощь России в деле освобождения Речи Посполитой от шведов. Скорее всего, источник слуха восходит к литовской шляхте, либо собственно жмудской, либо бежавшей туда от войны или пришедшей с отрядами литовского войска, так как если антишведские настроения в равной степени были распространены во всех трех названных регионах, то в Пруссии и Курляндии доминировали также тревога и страх перед русскими, а не надежды на них.

Нам остается разобрать еще два фрагмента, о которых нет точных сведений, когда они достигли царя и его приближенных, ясно лишь, что это не могло произойти раньше ноября-декабря. Эти известия можно отнести к третьему эшелону новостей, к новостям устаревшим, имеющим значение лишь с точки зрения возможных долговременных последствий.

29 сентября в Москву, в отсутствие царя, осаждавшего Ригу, в Разрядный приказ поступила отписка белгородского воеводы князя Григория Григорьевича Ромодановского. Тот получил в сентябре (число не указано) вести от Богдана Хмельницкого, среди которых имеется следующая, полученная якобы от крымского хана: «...король-де польской Ян-Казымер осадил было в Оршаве свейского караля полковника Витемборка и Оршаву было взял. И король-де свейской Густав приходил на обоз короля польского большим собраньем. И у короля-де польского с свейским королем был бой день с утра до вечера под Новым двором. А на другой-де, государь, день, король свейской короля польского збил, ляхов и татар, которые к нему приходили на помощь, многих побил и обоз и наряд взял. А наряду-де, государь, взял девяноста пушек больших. А король-де польской Ян-Казымер уступил под Люблин. А бой-де, государь, у короля польского с свейским королем был в августе месяце в первых числах»³⁹. Вполне вероятно, вопреки заявлениям

³⁸ Россия и Пруссия в середине XVII века... С. 373.

³⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 282. Л. 242.

гетмана, что эти вести он получил не из Крыма, а от самого Карла-Густава, который, как известно, после битвы писал Хмельницкому. Последний, конечно, не мог рисковать признаться в переписке с «государевым недругом». Такое происхождение известий может объяснить и отсутствие упоминаний о бранденбургском участии: шведам было выгодно приписать всю славу себе. По-видимому, это сообщение было принято к сведению в Разряде, но, судя по отсутствию помет, дальше не пошло и не было сообщено царю, неторопливо возвращавшемуся из похода из-под Риги.

Под 17 сентября в статейном списке стольника Афанасия Ивановича Нестерова, посланника к польскому королю, имеется запись его бесед с генеральным старостой жмудским Ежи-Каролом Глебовичем и другими шляхтичами, в которой суммируется их рассказ о Варшавской битве (без обозначения, к кому из собеседников восходят те или иные сведения). В Посольский приказ статейный список не мог попасть раньше декабря, поэтому практического значения для русского правительства содержащийся в нем рассказ о битве, надо думать, не имел. Однако, насколько мне известно, из существующих изложений трехдневного сражения, исходящих с литовской стороны, это самое подробное. Учитывая, что шведская, польская и прусская версии битвы уже давно введены в научный оборот, думается, этот текст заслуживает самого пристального анализа и публикации. Здесь же в связи с недостатком места придется дать лишь его краткий пересказ⁴⁰.

Помимо Глебовича авторами сообщения названы Ян Храповицкий, «которой был в Дорогобуже капитаном», и «королевской покоевой дворянин» Оборский. Битва в нестеровском пересказе происходит «в июле месяце перед Ильиным днем» (20 июля). В составе враждебной армии названы шведы, пруссаки, а также изменники — отряды коронной и литовской шляхты. Во главе армии находились шведский король, бранденбургский курфюрст и Богуслав Радзивилл, общая численность войска оценена в 25 тысяч человек, что лишь в какой-то мере соответствует действительности, и то если учесть подразделения, действовавшие на границах Восточной Пруссии. Указана численность литовского войска — 6 000 человек во главе с Полубенским, ошибочно названным Казимиром, и татарского контингента — 15 000 человек «и с обозными татарами», что, в отличие от количества литвинов, совершенно неправдоподобно. Подготовка польско-литовских сил к сражению описана следующим образом. Коронные силы во главе с королем располагались на левом, а литовцы и татары — на правом берегу Вислы. Узнав о приближении шведов, Ян-Казимир велел переправиться на правый берег польному гетману Станиславу Лянцкоронскому с шестью тысячами коронного войска, а затем и сам перешел реку, но не со всеми войсками. Сражение, длившееся три дня, развернулось под Прагой, участво-

⁴⁰ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1656 г. № 30. Л. 79–84. Эта часть статейного списка Нестерова была специально переписана в тетради, что показывает заинтересованность Посольского приказа в полученных известиях: там же. № 47 (начало не сохранилось).

вали в нем только литовские и татарские рати, а «коронные ратные люди, которые были с польским королем и 3 гетманы, стояли полками вправо, а литовским людем и крымским татаром на бою не помогали и с свейским королем не бились». Не участвовали в битве и те польские люди, которые остались на другом берегу. Причиной неучастия поляков названа их обида на литовцев, упрекавших их за измену королю в первое время вторжения шведов. Видя отказ поляков сражаться, Ян-Казимир разгневался и «пошел за реку Вислу и хохол у себя на голове драл». Шведы, видя, что поляки с ними не бьются, подвезли пушки, огнем которых «отбили» противника от Вислы и от моста. После этого литовцы с Полубенским ушли к Бресту, татары — вдоль реки к Люблину, а польский король по требованию сенаторов оставил Варшаву и также отступил к Люблину, имея с собой 5 тысяч человек «или больши». Потери литовцев составили 2 000 человек убитыми, татар — 3 000, поляков — 5 000 из числа тех, кто не переправился обратно на варшавскую сторону. Победу шведов собеседники Нестерова объяснили их превосходством в артиллерии, при котором любые атаки на них были бесполезны и вели лишь к напрасным потерям. При этом они утверждали, вопреки действительности, что у поляков пушек не было. Как мы видим, и в остальном приведенное изложение мало соответствует действительности. Помимо того что оно неверно передает ряд деталей, оно представляет поражение Речи Посполитой существенно более тяжелым, нежели оно было в действительности: и потери выше, и внутренние разногласия глубже, и способность противостоять противнику ниже⁴¹. Думается, подобная направленность рассказа указывает на то, что основным информатором Нестерова был не Глебович. Генеральный староста жмудский, сенатор-католик, он придерживался ориентации на Яна-Казимира и поддержание единства Речи Посполитой, а значит, во-первых, был хорошо осведомлен о битве благодаря корреспонденции с королем и сенаторами, а во-вторых, не должен был разделять настроений ожесточения против поляков, охвативших часть литовской шляхты. Вероятно, за сообщение информации Нестерову в описанном ключе в большей степени был ответствен кто-то из двух других названных им собеседников⁴², а может быть, кто-то из не упомянутой в статейном списке шляхты. В любом случае анализируемый текст несет в себе явные черты устного происхождения и по большей части основывается на распространявшихся среди литовской шляхты слухах.

⁴¹ Разителен контраст с сообщениями, исходившими от представителей Короны, преуменьшавшими масштаб неудачи. Например, по словам гданьского резидента при короле, это была «не битва, а наполовину упущенная победа» (*Droysen J. G. Die Schlacht von Warschau... S. 494*).

⁴² Что не слишком вероятно, если Ян Храповицкий — это автор известного дневника, славный своей лояльностью Речи Посполитой; что до Оборского, то его служба в свите короля также делает его плохим кандидатом для высказывания антипольских настроений.

Мотив антагонизма между польской и литовской шляхтой, возникавший в изученных сообщениях, очевидно, должен быть признан существенной частью общественных настроений, распространявшихся в тот момент в политически активных кругах Великого княжества Литовского. Этот мотив мог иметь фактическое основание — часть польского посполитого рушения разошлась по домам еще до битвы⁴³. Именно эти подразделения могли подразумеваться под «поляками», отказавшимися переправляться через Вислу на бой. Однако, учитывая, что коронные и литовские интересы издавна противоречили друг другу по многим вопросам (что было ясно еще с бескоролевий XVI в.) и что в условиях «Потопа» значительная часть литовской шляхты предпочла жизни в изгнании возвращение в свои маестности ценой службы царю, не вызывают удивления сходные настроения и в среде шляхты, по-прежнему связывавшей свои судьбы с Речью Посполитой. Несомненно, проигранное генеральное сражение, перечеркнувшее надежды на быстрый конец войны, при неизбежных поисках виновных должно было обострить старые противоречия и вызвать ожесточение против шляхетского народа Короны, не пришедшего на помощь Литве во время недавнего нашествия «Москвы».

Итак, известия о Варшавской битве попадали в руки царского правительства от иностранных дипломатов, присяжных литовских евреев, литовской шляхты, Богдана Хмельницкого. Нельзя исключать, что до России дошли какие-то печатные вестовые материалы из Западной Европы; в сохранившихся курантах (и оригиналах, и переводах) нет сведений о трехдневном сражении, но сохранность таких материалов для этих лет крайне неудовлетворительна. Характер сообщений дипломатов прямо продиктован интересами, которые они призваны были защищать. Официальные представители Речи Посполитой хранили о неблагоприятном для них событии глубокое молчание. Бранденбургский посол старался распространяться о сражении как можно меньше, чтобы не выдать участия в ней своего курфюрста. Курляндский канцлер стремился представить дело в невыгодном для шведов и благоприятном для курфюрста свете. При том что дипломаты регулярно получали корреспонденцию из гущи событий и относились к наиболее информированным носителям новостей, их известия с точки зрения подробностей малоинформативны. Однако сам официальный характер их источников (как бы некоторые, а именно Эйленбург, от этого ни отрекшались) придавал их лапидарным сообщениям достоверность. Так же должно было восприниматься и сообщение Богдана Хмельницкого, если бы оно пришло не в Москву, а под Ригу. Остальные сообщения исходят от представителей литовской шляхты или, как известия евреев, восходят к ним. Среди них нет ни одного свидетельства очевидца. Все они отражают распространившиеся в этой среде слухи, но при этом сохраняя-

⁴³ *Kubala L. Wojna brandenburska... S. 6.*

ют фактическое ядро. Часть слухов носит компенсационный характер и в этом сближается со слухами, инспирированными самим руководством Речи Посполитой, чтобы сгладить негативное впечатление от поражения⁴⁴. Другие, напротив, отражают разочарование литовской шляхты в союзе с Польшей. Конфликт между польской и литовской частями шляхетской армии, настойчиво возникающий в сообщениях информаторов, столь же хорошо подтверждаемые разными источниками факт битвы и ее результат, а также, как мы видели, участие на шведской стороне бранденбургского курфюрста — именно эти аспекты из массива поступающих новостей должны были стать в глазах царя и его окружения зернами достоверной информации. Учитывая активное участие царя Алексея Михайловича в руководстве внешней политикой, апогеем чего было его личное присутствие в «государевых походах» 1654–1656 гг., и критически важное значение для судьбы его завоеваний, которое имели известия с театров военных действий, не подлежит сомнению, что он в той или иной форме знакомился с получаемыми «вестями»⁴⁵, которые, таким образом, и попадали в тот информационный фон, о котором говорилось в начале статьи. Важно отметить, что существенным фактором, облегчавшим получение новостей, было не просто наличие русской власти в Великом княжестве Литовском, но присутствие в Вильне полномочных представителей царя — великих послов, активно занимавшихся сбором информации.

Рассмотренные известия имеют значение не только для оценки информированности русского правительства. Состав литовской армии известен нам очень плохо⁴⁶, поэтому данные литовских информаторов об участвовавших в битве командирах могут оказаться ценными. Важны и данные о социально-психологическом состоянии литовской шляхты. Если оценки проигранного сражения со стороны ряда польских деятелей известны, то взгляд литовского общества на трагические события трех дней Варшавской битвы был практически не известен. Думается, приведенный материал послужит источником по истории общественных настроений и «*opinii*» (общественного мнения) Великого княжества Литовского по определяющим само существование этого государственного образования вопросам отношения к союзу с Польшей и к власти царя над Литвой.

Источники

Российский государственный архив древних актов (РГАДА):

Ф. 63 «Сношения России с Курляндией». Оп. 1. 1656 г.

Ф. 79 «Сношения России с Польшей». Оп. 1. 1656 г.

Ф. 210 «Разрядный приказ». Оп. 9.

⁴⁴ *Herbst S. Trzydniowa bitwa pod Warszawą...* S. 328; *Nagielski M. Warszawa 1656.* S. 214.

⁴⁵ См. также: *Шамин С. М. Куранты XVII столетия...* С. 81–82.

⁴⁶ *Herbst S. Trzydniowa bitwa pod Warszawą...* S. 304; *Nagielski M. Warszawa 1656.* S. 244.

Geheimes Staatsarchiv Preussischer Kulturbesitz (GStA PK):

I HA GR Rep. 11 Akten Nr 6541.

Россия и Пруссия в середине XVII века / сост. П. И. Прудовский. М.: Древлехранилище, 2013. Т. 1: Посольская книга по связям России с Бранденбургско-Прусским государством 1649–1671 гг.

Русская и украинская дипломатия в международных отношениях в Европе середины XVII в. / отв. ред. Б. Н. Флоря. М.: Гуманитарий, 2007.

Pamiętniki historyczne do wyjaśnienia spraw publicznych w Polsce XVII wieku posługujące, w dziennikach domowych Obuchowiczów i Cedrowskiego pozostałe / wyd. M. Baliński. Wilno: A. Ass, 1859.

Urkunden und Actenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilhelm von Brandenburg / hrsg. von B. E. Simson. Berlin: Georg Reimer, 1865. Bd. 2.

Urkunden und Actenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilhelm von Brandenburg / hrsg. von B. Erdmannsdörffer. Berlin: Georg Reimer, 1877. Bd. 7.

Urkunden und Actenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilhelm von Brandenburg / hrsg. von B. Erdmannsdörffer. Berlin: Georg Reimer, 1884. Bd. 8.

Литература

Прудовский П. И. Развитие русско-бранденбургских дипломатических отношений в середине XVII века // Россия и Пруссия в середине XVII века / сост. П. И. Прудовский. М.: Древлехранилище, 2013. Т. 1: Посольская книга по связям России с Бранденбургско-Прусским государством 1649–1671 гг. С. 449–517.

Флоря Б. Н. От Потопа до Вильна. Русская политика по отношению к Речи Посполитой в 1655–1656 гг. // *Kwartalnik Historyczny*. 2003. Rocznik 110. № 2. S. 25–49.

Флоря Б. Н. Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). М.: Индрик, 2010.

Шамин С. М. Куранты XVII столетия: Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011.

Carlson F. F. Sveriges historia under konungarne af Pfalziska huset. Stockholm: P. A. Norstedt & söner, kongl. boktryckare, 1855. D. 1.

Droysen J. G. Die Schlacht von Warschau 1656 // *Abhandlungen der philologisch-historischen Classe der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften*. 1863. Bd. 4. S. 347–496.

Englund P. Den ööverninnerlige: Om den svenska stormaktstiden och en man i dess mitt. Stockholm: Atlantis, 2000.

Frost R. After the Deluge: Poland-Lithuania and the Second Northern War. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

Herbst S. Trzydniowa bitwa pod Warszawą 28–30 VII 1656 r. // *Wojna polsko-szwedzka 1655–1660* / red. J. Wimmer. Warszawa: Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1973. S. 296–330.

Kubala L. Wojna brandenburska i najazd Rakoczego w roku 1656 i 1657. Lwów: H. Altenberg, G. Seyfarth, E. Wende i sp.; Warszawa: Gebethner i Wolf, s. a. [1917].

Nagielski M. Warszawa 1656. Warszawa: Bellona, 1990.

Riese A. Die dreitägige Schlacht bei Warschau 28., 29. und 30. Juli 1656. Breslau: Verlag von Max Mälzer, 1870.

Waugh D. C., Maier I. Cross-Cultural Communication in Early Modern Russia: Foreign News in Context. Seattle; Uppsala: Research Works at the University of Washington Libraries, 2023. DOI: <https://doi.org/10.6069/XCSQ-BF71>

References

- Carlson, F. F., 1855. *Sveriges historia under konungarne af Pfalziska huset*. Stockholm: P. A. Norstedt & söner, kongl. boktryckare. Vol. 1.
- Droysen, J. G., 1863. Die Schlacht von Warschau 1656. *Abhandlungen der philologisch-historischen Classe der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften*, 4, pp. 347–496.
- Englund, P., 2000. *Den öövertvinnerlige: Om den svenska stormaktstiden och en man i dess mitt*. Stockholm: Atlantis.
- Floria, B. N., 2003. From the Deluge to Vilna. Russian Politics towards the Polish-Lithuanian Commonwealth 1655–1656. *Kwartalnik Historyczny*, CX (2), pp. 25–49. (In Russian).
- Floria, B. N., 2010. *The Russian State and Its Western Neighbours (1655–1661)*. Moscow: Indrik. (In Russian).
- Frost, R., 1993. *After the Deluge: Poland-Lithuania and the Second Northern War*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Herbst, S., 1973. Trzydniowa bitwa pod Warszawą 28–30 VII 1656 r. In: J. Wimmer, ed., 1973. *Wojna polsko-szwedzka 1655–1660*. Warsaw: Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, pp. 296–330.
- Kubala, L., s. a. *Wojna brandenburska i najazd Rakoczego w roku 1656 i 1657*. Lwów: H. Altenberg, G. Seyfarth, E. Wende i sp.; Warsaw: Gebethner i Wolf.
- Nagielski, M., 1990. *Warszawa 1656*. Warsaw: Bellona.
- Prudovsky, P. I., 2013. The Development of Diplomatic Relations between Russia and Brandenburg in the Middle of the Seventeenth Century. In: P. I. Prudovsky, ed., 2013. *Russia and Prussia in the Middle of the Seventeenth Century*. Moscow: Drevlekhranilishche. Vol. 1: *Ambassadorial Book of the Relations between Russia and Brandenburg-Prussia 1649–1671*, pp. 449–517. (In Russian)
- Riese, A., 1870. *Die dreitägige Schlacht bei Warschau 28., 29. und 30. Juli 1656*. Breslau: Verlag von Max Mälzer.
- Shamin, S. M., 2011. *Kuranty of the Seventeenth Century: European Press in Russia and the Emergence of Russian Periodical Press*. Moscow; Saint Petersburg: Alians-Arkheo. (In Russian)
- Waugh, D. C., Maier, I., 2023. *Cross-Cultural Communication in Early Modern Russia: Foreign News in Context*. Seattle; Uppsala: Research Works at the University of Washington Libraries. <https://doi.org/10.6069/XCSQ-BF71>